

замѣчательный портретистъ. Ушакова пригласилъ князь Голицынъ къ себѣ въ деревню для рисованія портретовъ.

Прислана была коляска, и Ушаковъ для компаніи пригласилъ ѣхать съ собой Щепкина. И что же? Приѣхавъ въ деревню Голицына, они узнаютъ, что вечеромъ будетъ домашній спектакль съ участіемъ князя Мещерскаго. Щепкинъ внѣ себя отъ восторга, ждетъ не дожидется, когда подыметъ занавѣсъ. Шла комедія Сумарокова „Приданое обманомъ“. Князь долженъ былъ изображать въ ней скупого, что называется въ просторѣчьи, скареда, по имени Салидара.

Вотъ настала давно желанная минута: взвился занавѣсъ, и появился на сценѣ князь Мещерскій. Зорко слѣдитъ за этимъ артистомъ нашъ юноша, ничего не пропуская мимо своихъ глазъ. И чѣмъ больше онъ смотритъ, тѣмъ болѣе удивляется: князь не машетъ руками, не поводитъ страшно глазами, не рычитъ, не шипитъ, не подымаетъ указательнаго перста,—словомъ, не употребляетъ ни одного изъ обязательныхъ, заученныхъ пріемовъ того времени. Это показалось до того страннымъ Щепкину, что онъ внутренно сталъ смѣяться надъ княземъ.

Щепкину казалось, что Мещерскаго только потому хвалили, что онъ князь, а что играть, какъ слѣдуетъ, по-актерски, совсѣмъ не умѣетъ. „Вотъ оно!“ — думалъ нашъ молодой актеръ:—„оттого, что вельможа, такъ и хорошо! И что за игра? руками дѣйствовать не умѣетъ, а говоритъ,—*просто*, ну такъ, какъ всѣ говорятъ. Да что же это за игра? Нѣтъ! далеко вашему сіятельству до насъ!“